

Н. Н. Купреинов.

У завода.

Заводская графика Н. Н. Купреянова

Статья

Абрам Эфрос

Купреинов—имя молодое, но уже устоявшееся. Оно приобрело публичную значимость лишь в годы революции, но зато эти восемь лет его можно было встретить очень часто. Этому способствовало не только то, что Купреинов работает много вообще, но еще и то, что он работает в области самого плодовитого и много рожающего искусства. Купреинов—график и только график. В этом смысле он счастливо ограничен. Он занимается своим делом, не меря прошлого и не наряду с другими. Его графическая кровь беспримесна. Он очень способный художник, но у него «насморк» на все другие виды искусства, кроме графики. Он знает, как их делать, но не знает, что с ними делать. Зато его чувствительность ко всем оттенкам рисунка и гравюры безгранична. Он здесь настолько же впечатлителен, насколько приглушен там. Он даже страдает от своей графической нервности. Он замечает и усваивает слишком многое. Это его главный недостаток. Но он все умеет. Это его главное достоинство. В графике для него нет тайн. Конечно, он понимает, что излишнее уменье грозит обернуться злом. Он старается не доходить до виртуозничания. Это не всегда еще удается. Он так любит имению «бесконечно-малые величины» в своем мастерстве, что подчас у него не хватает воли бороться с их соблазнами. Он соблазняет этим и нас, зрителей, так же сильно. Мы лакомимся кусками купреиновских рисунков. Потом мы спохватываемся, что целое вернее части, и за свой соблазн отплачиваем Купреинову укоризнами. Мы говорим о «женственности» его графики в том ехидном смысле, что кто бы ни встретился ей на пути,—она ему поддается. Купреинова всегда треплет страсть.

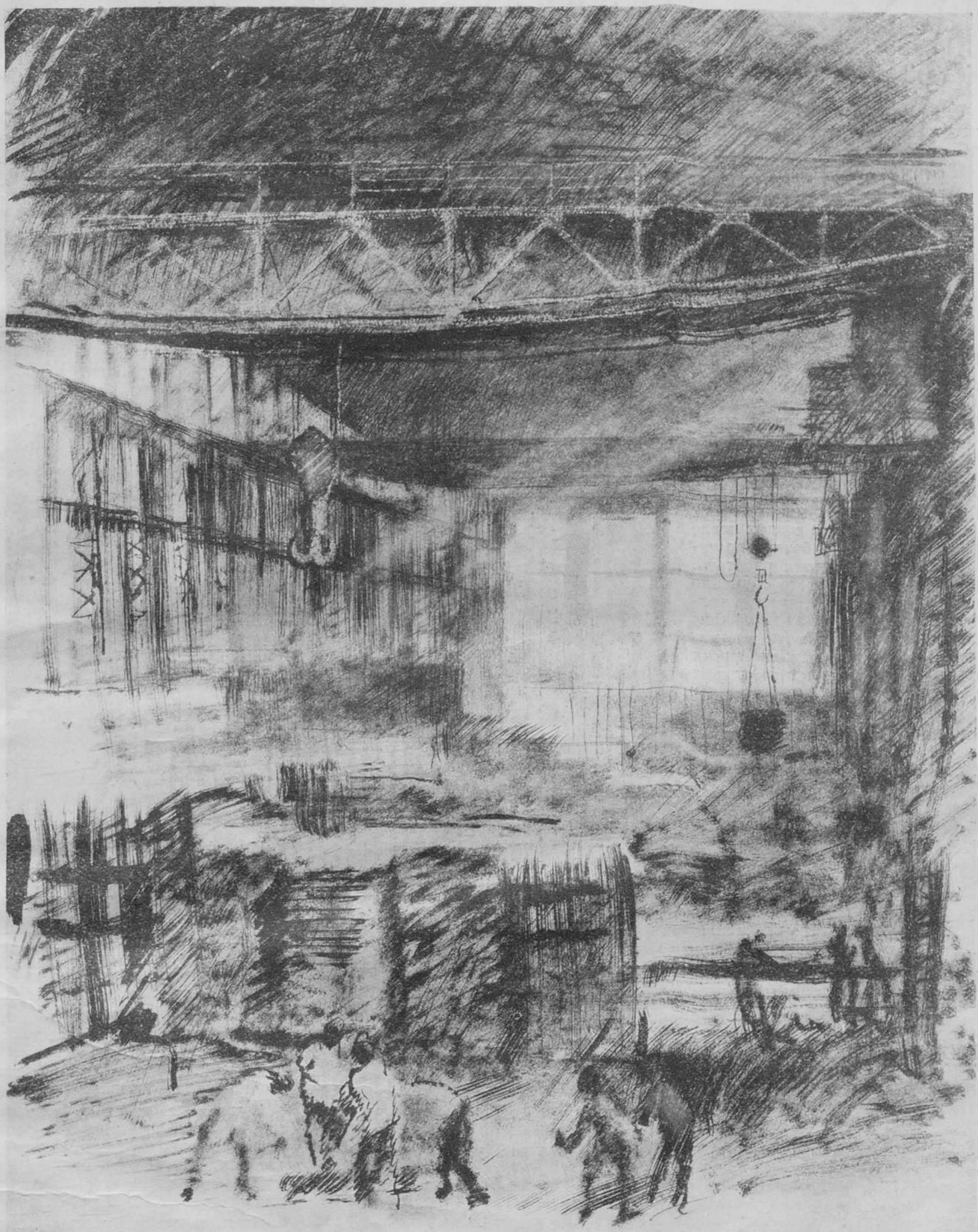
Его постоянно лихорадит какой-нибудь теорией искусства или каким-нибудь мастером рисунка.

Так возник и заводской цикл. Несколько его листов мы здесь публикуем. Купреинов ими свидетельствует не только то, что советская современность ставит своей графике определенный «социальный заказ», но и то, что он, Купреинов, мог бы его выполнить. Это вызывает в нас большое любопытство к опыту и неменьшее сочувствие к художнику. Всякая удача здесь значительна. Здесь хорошо уже не очень большая неудача. Это самое трудное, за что может сейчас взяться художник. Большинство не берется совсем. Одни отговариваются отсутствием склонности к таким сюжетам (в неправде тут их никто не заподозрит),— другие «очень хотят», но очень «не могут».

То, что Купреинов смог, показывает, как широко расправляются его художественные силы и еще больше—как велика его впечатлительность к гудам и гулам, несущимся по современности. Эти заводские листы и хороши, и горячи одновременно. Они обжигают наш глаз тем острее, что они неожиданны. Мы их у Купреинова не ждали совсем. Они же явно пылки, увлечены и легки. При всей скромности средств рисунка, в них завод явлен живописно—сквозь воздушную дымку импрессионизма, сквозь дым и копоть заводского пейзажа. Здесь было внезапное вдохновение. Оно принесло зоркость глазу и превосходную точность руке, какие дай бог всем Европам.

Впрочем, последнее—небольшая похвала. Запад,—такой индустриализованный, такой старый в своей индустриальности, беден аналогичными циклами и сюжетами,

как и русское искусство. Если там этого не замечают и об этом не говорят, то только потому, что это в данный момент мало кого интересует. Но, ведь, когда-нибудь будут же и там заинтересованы в такого рода «социальном заказе» искусству. Как станет тогда удивляться западная революция тому, что ее страны классического «машинизма» должны начинать почти с азов, чтобы зафиксировать искусством облики ее трудового быта. Академия Художественных Наук сейчас готовится открыть большую выставку современного искусства Запада. Взят период в четверть века: 1900—1925 гг. Мы создали и проработали обширный художественный материал. Мы не были предвзятыми. Казалось само собой естественным, что именно повседневный быт труда будет отражен обильно, и обстоятельно,—и что пробелы могут быть скорее в мотивах, изображающих взрывы социальной борьбы. Вышло же наоборот. Нас может удовлетворить и качественно и количественно второе, но какая нищета в первом! На выставке здесь вдоволь изображений стачек, баррикад, усмирений, тюрем, голодовок, смертей, в реальностях и символах, всех школ и всех идеологий. Но там нет, почти нет самого простого, самого обыденного,—трудовой среды, фона, на котором разыгрываются, и которым обусловливаются столкновения,—нет фабрик, нет верфей, нет вокзалов, нет предметов,—нет того, откуда поднимается волна, и куда она опять уходит. Теперь мы понимаем, в чем дело,—фабричная повседневность там—отстоявшийся факт. Запад ждет нового «факта», ломающего эту слишком устоявшуюся повседневность. Его художники берут прицел на ломку, как наши

Н. Н. Купреинов.

Завод.

на советское «становление» на мирный расцвет труда. Купреинов встретит в западной графике лишь немногих единичных подобий своему «заводскому циклу», и почти всегда это будет к его выгоде. Во французской графике нет ничего, с чем можно было бы его сопоставить,—в немецкой сидит какой-то сплошной Балушек и иногда кажется, что выше уровня фабрично-железнодорожных мотивов этого скучного Балушка тут подняться нынче не могут, в английской есть Франк Бренгвин, и сюда, как к началу всех начал, только и можно свести Купреинова. Бренгвин—блестящий мастер, но он

никогда не казался мне таким исключительным художником, чтобы было так уж безнадежно бороться с ним за большее мастерство рисунка или за большую глубину мотивов.

Скорее кажется, что он замечателен преимущественно настойчивостью своего внимания к «рабочим сюжетам» и ширнотью своего охвата их. Количество здесь делается качеством. Это неизбежно, пока Бренгвин так одинок. Я рисую высказать утверждение, что художник уровня Купреинова может взяться за темы Бренгвина, если бы он внес такое же постоян-

ство в свои работы. В постоянстве здесь корень. Небольшой «заводский цикл» должен был бы разрастаться и дифференцироваться. Ему нужно было бы превратиться в «мир труда», чтобы стать большим явлением.

Как жаль, что у восприимчивости художника нет механических выключателей! Я бы решился надолго выключить из Купреинова все, что не умещается по линии этих «линов труда». У меня нет сомнений, что тогда он выполнил бы дело большой художественной и социальной значительности.

ЦЕНА в Москве и на станц. ж. д.—20 к.
3 Января 1926 г.
Четвертый год издания.

КРАСНАЯ НИВА

Да здравствуют Советы!

Рис. Ц. Марков

КРАСНАЯ НИВА

№ 1—3 января 1926 г.

Четвертый год издания.

Стихи Сергея Есенина

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь, нагнувшись, под мятгелью белой?

Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.

Ах, и сам я нынче что-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.

Там вон встретил вербу, там сосну приметил.
Распевал им песни под мятель о лете.

Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а во-всю зеленым.

И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужкую, обнимал березку.

Голубая, да веселая страна,
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей,
Слышишь, розу кличет соловей.

Слышишь, роза клонится и гнется,
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей,
Слышишь, розу кличет соловей.

Ты—ребенок, в этом спора нет,
Да и я — ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей,
Слышишь, розу кличет соловей.

Дорогая Гелия, прости,
Много роз бывает на пути.
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе—ты и я,
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей,
Слышишь, розу кличет соловей.

Голубая, да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана.
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

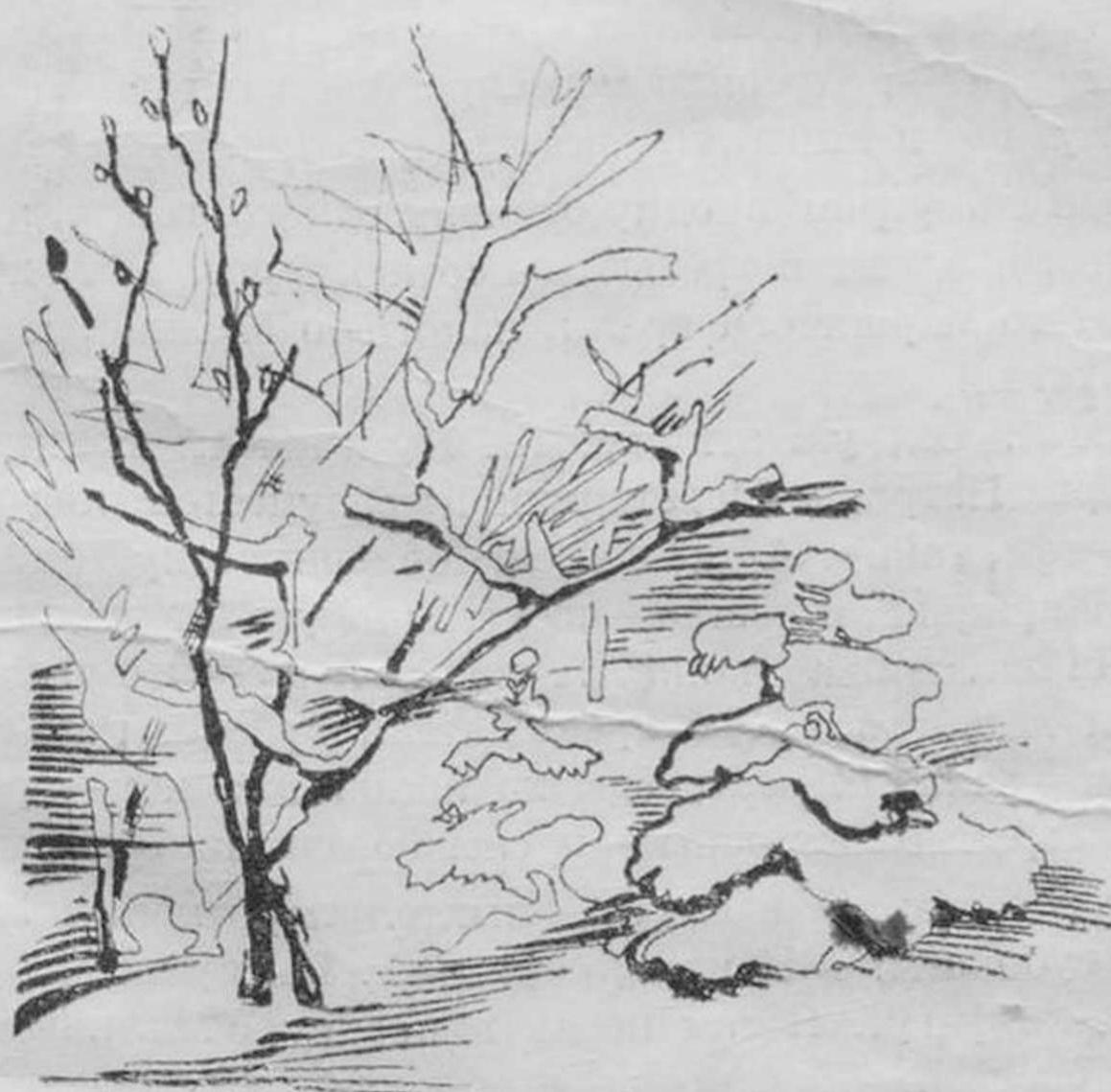

Рис. Л. Бруни.

ВО ВСЕХ
ЛУЧШИХ КИНО-ТЕАТРАХ
СССР
СМОТРИТЕ!

КИРПИЧИКИ

В главных ролях В. А. Попова и П. А. Бакшеев

и сенсационную комедию

ШАХМАТНАЯ ГОРЯЧКА

при участии: чемпиона мира Капабланка,

гроссмейстеров и маэстро: Рети, Маршалл, Торре, Земиш, Шпильман и др., режиссеров и артистов „Межрабпом—Русь“ Я. А. Протазанова, К. В. Эггерта, Ф. А. Оцеп, Н. Глан, А. Земцовой, П. Бакшеева, Б. Барнета, А. Кторова, И. Коваль-Самборского, В. Фогель и др.

Постановка режиссеров: В. Пудовкина и Н. Шпиковского. Сценарий Н. Шпиковского.

Производство „Межрабпом—Русь“—Москва, 1-я Тверская-Ямская, 3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД

на ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Под редакцией В. А. Луначарского, В. П. Полонского и И. И. Степанова-Скворцова

НОВЫЙ МИР

(2-й ГОД ИЗДАНИЯ).

С января 1926 года „НОВЫЙ МИР“ реформирован. Сбем журнала увеличен без повышения подписной платы.

С увеличением объема «НОВЫЙ МИР» значительно расширяет отдел художественной литературы и критики, обращая серьезное внимание на улучшение остальных отделов журнала.

Для первых книг журнала на 1926 г. редакция располагает произведениями следующих авторов:

Вс. Иванов.—«Лицкие притчи», рассказ; С. Клычков.—«Чертухинский Балакирь», роман; Вяч. Шишков.—«Пурга», повесть; Ал. Яковлев.—«Люди», повесть; А. Макаров.—«Счастливая земля», рассказ; Фед. Гладнов.—«Старая секретная», рассказ; Вл. Бахметьев.—«Железная трава», рассказ; Б. Пильняк.—«Очередные рассказы»; А. Соболь.—«Мемуары веснушчатого человека»; О. Форш.—«Высочайший приезд» (из романа «Современники»).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 12 мес.	На 6 мес.	На 3 мес.	На 1 мес.
7 р. — и.	3 р. 50 к.	1 р. 80 к.	— р. 60 к.

За гравиду 75 центов в месяц.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В МОСКВЕ—Главной Конторой «Известий ЦИК», Тверская, 48 и городским отделением.
В ПРОВИНЦИИ—Отделениями и Контрагентами Гл. К-ры „Известий ЦИК“ и почт.-телеф. конторами.

ПРИ ВСЕХ ЗАКАЗАХ И ЗАПРОСАХ БЛАГОВОЛИТЕ ССЫЛАТЬСЯ НА «КРАСНУЮ НИВУ».